

Историческая роль Плеханова.

Передъ свѣжей могилой трудно подводить итоги той жизни, которая только что завершила свою драму, волновавшую всѣхъ насъ, и естественно нерѣшимой представляется задача вставить образъ Плеханова, намъ столь близкаго и современнаго, я бы даже сказалъ—злободневнаго,—въ рамку исторіи. И однако, эти итоги невольно напрашиваются сами собой, они насильно, хотимъ мы этого или нѣтъ, диктуются намъ впечатлѣніемъ его трагическаго конца, тѣмъ вопросомъ, который подымаетъ въ нашихъ душахъ этотъ конецъ: какъ могъ такой большой, такой воистину историческій человѣкъ, какимъ былъ Плехановъ, основоположникъ и учитель революціоннаго движенія послѣднихъ десятилѣтій въ его основной разновидности, какъ могъ онъ—умереть отщепенцемъ отъ этого движенія, отвергнутымъ, оттолкнутымъ имъ, его—въ значительной степени-жертвой?

А развѣ Плехановъ имѣлъ значеніе только для этого движенія? Вѣдь, онъ былъ не только провозвѣстникомъ въ свое время переворота въ умахъ революціонной среды, его роль съ одной стороны измѣряется масштабомъ международнаго, міроваго социалистическаго движенія, съ другой—опредѣляется не этой одной революціонной средой, а гораздо болѣе широко—его мѣстомъ въ исторіи всей культуры Россіи въ ея цѣломъ. Его роль—національно историческая роль...

Дом Плеханова

№ 33 п.и.

Почему же Россія подняла его сначала на свой щитъ и затѣмъ сбросила—кумиръ бывшихъ дней? Почему оказалась такой трагической жизнь великаго сына ея и такимъ безотраднo-одинокимъ его конецъ? Почему другими словами роль Плеханова не стала прочнымъ достояніемъ національнаго сознанія? Въ чемъ корень этого разрыва между современной Россіей и Плехановымъ, разрыва, окружившаго Плеханова безвоздушнымъ пространствомъ и сдѣлавшаго изъ него, достойнаго быть національнымъ героемъ, національной реликвіей, чуть ли не такую же „умную ненужность“, какою былъ когда то, по опредѣленію Герцена, знаменитый авторъ „философическаго письма“, Чаадаевъ?...

Отвѣтъ, мнѣ кажется, заключенъ въ катастрофѣ, которая постигла страну, родившую Плеханова. Россія потому не признала Плеханова, что она не признала—не нашла въ себѣ достаточно силъ и достаточно пониманія—для національнаго движенія, которое бы могло ее спасти, которое бы разрѣшило задачу созданія Россіи свободной, независимой и развивающей свои производительныя и свои духовныя силы.

Разрывъ Россіи съ Плехановымъ и былъ ничѣмъ другимъ, какъ символическимъ выраженіемъ того, что побѣда въ борьбѣ Азіи съ Европой, которая по мысли Плеханова наполняла собою послѣдніе вѣка существованія Россіи, одержана русской внутренней Азіей. Побѣдила мы вѣримъ, временно, Азія и тѣмъ открыла двери въ Россію не демократической Европѣ, а Европѣ имперіалистической, Европѣ Вильгельма и Гинденбурга; не Европѣ, цивилизующей отсталую страну, а Европѣ, ее колонизирующей и обращающей въ рабство...

Россія кандидатка въ колонию, кандидатка въ рабы, да!—такая Россія, прошедшая черезъ большевитскую ликвидацію демократическихъ завоеваній революціи и созрѣвшая для реставраціи,—не Россія Плеханова, это—Россія, съ которой всю свою жизнь боролся Плехановъ, и что-же удивительнаго, что справляя сейчасъ свое торжество надъ другой-плехановской-Россіей, она сметаеть съ своего пути ея самаго блистательнаго выразителя и своего злѣйшаго антагониста..

Въ чемъ былъ смыслъ историческаго существованія Плеханова, какъ русскаго дѣятеля?—Какъ разъ въ томъ, что нашей внутренней катастрофой всемѣрно отрицается. Плехановъ на общественной сценѣ Россіи явился тогда, когда намѣтился въ ней переломъ отъ Азіи къ Европѣ и когда соответственно выросавшимъ въ нѣдрахъ Россіи новымъ общественнымъ формированіемъ ощутилась потребность и въ области идеологій, и въ области практическаго движенія зафиксировать этотъ переходъ на путь рѣшительной и безповоротной европеизаціи.. Тогда и раздался, какъ символъ этого зрѣющаго процесса голосъ Плеханова, который сказалъ: путь Россіи это путь капитализма, это путь развитія въ ней тѣхъ общественныхъ силъ, ко-

торья связаны съ ростомъ капиталистическихъ отношеній. Это путь преодоленія этими силами всѣхъ тормазовъ этого развитія, и стало быть прежде всего традиціоннаго экономическаго и общественно-политическаго строя старой Россіи. Это стало быть, путь разрѣшенія Россіей ея коренной очередной для цѣлой исторической эпохи задачи: сверженія царизма и утвержденія въ Россіи началъ демократическаго правопорядка... Это, стало быть, и утвержденіе взаимозависимости тѣхъ двухъ враждебныхъ другъ другу частей Россіи — либерально-буржуазной и демократически-соціалистической, которыя умѣли до тѣхъ поръ другъ съ другомъ только воевать, но не умѣли совмѣстно добиваться цѣли, одинаково необходимый обѣимъ. Этой цѣли до того казалось у нихъ нѣтъ. Либерализмъ смотрѣлъ на соціалистическую демократію, какъ на своего прирожденнаго врага, съ которымъ у него нѣтъ и не можетъ быть какихъ либо точекъ соприкосновенія, соціалистическая демократія съ своей стороны платила тѣмъ же либерализму и даже сторицей; ибо борьба за политическую свободу, за демократическую конституцію представлялась ей дѣломъ лукавымъ, ненужнымъ и вреднымъ, заводящимъ въ тупикъ буржуазнаго развитія, между тѣмъ какъ ея дорога ведетъ прямокомъ къ завѣтной цѣли соціалистическаго переустройства. Плехановъ обоихъ непримиримыхъ антагонистовъ подвелъ другъ къ другу. Онъ соціалистической демократіи показалъ, что ей предстоить неизбежно пройти черезъ конституціонную борьбу, черезъ общую совмѣстную работу съ ея классовымъ и политическимъ противникомъ. Онъ либерализму въ свою очередь повѣдалъ ту ему неприятную истину, что политической свободы не добиться, безъ самой энергичной поддержки со стороны соціалистической демократіи въ лицѣ рабочаго класса Россіи. Революціонное движеніе въ Россіи побѣдитъ какъ рабочее движеніе или вовсе не побѣдитъ, — заявлялъ Плехановъ.

Такъ обосновывалась Плехановымъ національная общеклассовая задача Россіи, такъ установлены были имъ вѣхи національнаго всенароднаго движенія. Онъ впервые враждующимъ классовымъ частямъ Россіи указалъ имъ общее дѣло, онъ впервые не изъ добраго пожеланія, а изъ непреложныхъ условій общественнаго развитія Россіи вывелъ эту объединяющую классовыхъ антагонистовъ единую задачу Россіи.

И въ этомъ историческое для Россіи, если угодно-національное значеніе Плеханова, не вмѣщающееся въ однѣ только рамки зачинателя организованнаго соціалдемократическаго рабочаго движенія Россіи.

Плехановъ пролагалъ пути всему общественному освобожденію въ его цѣломъ. Его развитіе было указующимъ, символическимъ въ національномъ масштабѣ.

То, что могла сложиться въ Россіи личность Плеханова — сложиться и стать очагомъ большого идейнаго броженія, говорило за то, что въ

Россіи дѣйствительно создаются предпосылки для ея европейскаго развитія.

Но то, что эта могучая личность пережила свою драму и такъ трагически кончила, свидѣтельствуешь о томъ, что развитіе Россіи есть процессъ, исполненный прогиворѣчій, не всегда ведущихъ впередъ, но могущихъ приводить—при извѣстныхъ условіяхъ—и назадъ, и даже къ катастрофѣ.

Если на зарѣ своей юности молодой Плехановъ былъ вѣстникомъ русской Европы и, какъ таковой, побѣдилъ нашу Азію въ лицѣ ветхозавѣтнаго полуанархическаго, полуякобинскаго народничества, то на склонѣ его дней, умирающаго Плеханова, доканалъ воскресшій въ лицѣ Ленина анархистъ Бакунинъ; русская будто бы коммунистическая Азія, означавшая крушеніе капитализма въ Россіи, дала свой реваншъ — російской Европѣ—и ей въ этомъ помогла Европа германскихъ имперіалистовъ.

Плехановъ погибъ, потому что въ Россіи торжествуетъ временно Азія.

Но Плехановъ воскреснетъ въ сознаніи Россіи, онъ будетъ въ немъ жить, если только суждено воспрянуть для жизни и всей великой Россіи.

Мы вѣримъ, что недалекъ день этого воскресенія Россіи, который будетъ и днемъ обращенія Россіи—къ Плеханову.

Тогда опять Россія подниметъ на щитъ своего хотя и мертваго, но вѣчно живого національнаго героя. Тогда будетъ наконецъ хотя и запоздало утверждено его національно-историческое значеніе. Тогда русская Европа, раздавившая русскую Азію, водрузитъ своему великому европейцу достойный его памятникъ.

Мы вѣримъ—это будетъ!..

А. Потресовъ.